

УДК 94(47)084.8/084.9

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

**ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОЛХОЗОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1960-х гг.***

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

Цель статьи заключается в выявлении этапов, тенденций и социально-экономических последствий развития практики производственного планирования в колхозах в послевоенное двадцатилетие. Анализ проблемы базируется в основном на новом конкретно-историческом материале. Раскрывая особенности жесткого директивного планирования деятельности колхозов в послевоенные годы, автор причисляет его к факторам, тормозившим развитие хозяйств. Показано также, что предпринятые в середине 1950-х гг. попытки смягчить административный контроль над колхозами не увенчались успехом, в связи с чем ускорилось огосударствление производственных структур села.

Ключевые слова: колхозы, планирование, сельскохозяйственное производство, администрирование.

Целесообразность научно-исторического изучения практики планирования производственной деятельности в колхозах обуславливается повышением в настоящее время общественного интереса к советской модели хозяйствования, который спровоцирован широкими обсуждениями прошлого нашей страны в средствах массовой информации. Необходимость исследования темы определяется и ее непосредственной связью с такой важнейшей проблемой российской истории, как взаимоотношения между государством и крестьянством.

К обстоятельному анализу вопросов производственного планирования в колхозах в рассматриваемый

период в немалой степени побуждает поверхностное их освещение советской историографией и фрагментарное отражение в постсоветской научной литературе. Исключением является вышедшая в 1992 г. монография О.М. Вербицкой, в которой дана характеристика основополагающих принципов планирования производства в колхозах во второй половине 1940-х – второй половине 1950-х гг. По мнению автора, на протяжении этого периода практика сельскохозяйственного планирования оставалась неизменной в следующем: 1) за исходную величину плана принималось общественно необходимое количество сельхозпродукции без учета реально существующих для ее производства возможностей у хозяйств; 2) регулирование пропорций внутриотраслевого развития было до мелочей детальным, и необходимость этого высшая власть обосновывала неготовностью колхозов к самостоятельному эффективному планированию; 3) планы колхозов занимали

* Работа подготовлена при финансовой поддержке СО РАН (проект № 9.1 «Колхозно-совхозная система в Сибири во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг.» Лаврентьевского конкурса молодежных проектов СО РАН).

подчиненное положение по отношению к планам машинно-тракторных станций (МТС); 4) в связи с ограниченностью средств, выделяемых государством на развитие колхозов, производственные задания были сориентированы на экстенсивные формы ведения сельского хозяйства; 5) следствием указанных обстоятельств являлось хроническое невыполнение пятилетних планов. Отличительной особенностью планирования в сталинский период являлся акцент на крайнее напряжение человеческих сил и проявление «социалистической сознательности» трудящихся. А в период правления Н.С. Хрущева давался определенный простор для материальных стимулов и инициативной деятельности колхозников [1, с. 21–29].

Дальнейшее плодотворное изучение рассматриваемой проблемы невозможно без существенного расширения ее фактологической базы. В связи с этим анализ этапов, тенденций и социально-экономических последствий развития системы планирования колхозного производства в послевоенное двадцатилетие проводится с опорой на новые архивные материалы, выявленные при анализе реализации государственной аграрной политики в Сибири – крупнейшем сельскохозяйственном регионе страны.

Аграрный строй послевоенного сталинизма сохранял базовые параметры аграрно-экономических отношений, сформированных в ходе массовой коллективизации. Колхозы функционировали в условиях жесткого административно-бюрократического давления, отчетливо проявлявшегося в сложившейся практике сельскохозяйственного планирования. Наряду с рассмотренными выше ее чертами можно выделить еще ряд важных характеристик. Так, планирование производственной деятельности колхозов характеризовалось его рассредоточенностью по различным органам управления. Планы для хозяйств разрабатывались в структурах трех ведомств – созданных в конце 1945 – начале 1946 г. Министерстве земледелия СССР, Министерстве технических культур СССР и Министерстве животноводства СССР. На местном уровне были организованы соответствующие краевые, областные и районные управления и отделы. В связи с множественностью органов, составлявших плановые показатели, имели место такие негативные явления, как разрыв в сроках и задержка доведения заданий до исполнителей, нестыковки планов между собой, корректировка уже утвержденных плановых норм в течение года, проводимая чаще всего в сторону их повышения. Эти обстоятельства в значительной степени осложняли решение хозяйственных задач, во многом делая их невыполнимыми. Составление производственного плана колхоза представляло собой механическое воспроизведение спущенных райисполкомами годовых заданий по развитию полеводства и животноводства. Приходно-расходные сметы разрабатывались правлениями, а затем утверждались собраниями колхозов. Проверка смет в райисполкомах часто затягивалась, из-за чего они не увязывались с производственными планами¹.

Консервативный курс сталинской аграрной политики, однако, допускал принятие решений, нацеленных на ограничение административного давления на колхозы. Подобные меры получили поддержку в силу чрезвычайных обстоятельств, прежде всего сильнейшего голода в регионах европейской части СССР. В постановлении февральского (1947 г.) пленума ЦК партии говорилось о недопустимости определения плановых заданий без их организационного обеспечения и важности своевременного доведения показателей плана до колхозов (не позднее 1 января) [2, с. 100–101]. Одновременно три сельскохозяйственных ведомства были объединены в единое Министерство сельского хозяйства СССР, которое ведало делами колхозов и МТС. Для управления совхозным сектором создали Министерство совхозов СССР.

Однако на самом деле ситуация в сфере планирования производственной деятельности колхозов не изменилась. Плановые показатели, составлявшиеся многочисленными структурами Министерства сельского хозяйства СССР, по-прежнему спускались сверху с большими опозданиями, сохранялись значительные разрывы в сроках их направления исполнителям. Так, в 1948 г. колхозы Омской области, для которых различные ведомства составили 49 плановых заданий, годовой план развития полеводства получили только в конце января. Некоторые планы были доведены до хозяйств еще позже. Например, Тюкалинскому району задания по посадке садов в 1948 г. спустили лишь в конце сентября этого года. В то же время плановые показатели по развитию животноводства колхозы области получили еще в декабре 1947 г. Республиканским, краевым и областным властям разрешалось доводить до районов сверхплановые задания по производству и заготовкам сельхозпродукции, которые в большинстве случаев не были экономически и организационно обоснованы. Так, в августе и октябре 1948 г. Омский облисполком установил для колхозов Одесского района дополнительное задание по увеличению поголовья крупного рогатого скота, овец и лошадей. Оно составлялось без учета состояния кормовой базы хозяйств, поэтому выполнено не было². В Сибири практика увеличения плановых норм часто использовалась для наращивания объемов государственных поставок зерна. При этом местные власти не только повышали нормы изъятия хлеба, но и сокращали сроки проведения хлебозаготовок. Например, в 1948 г. для колхозов Сибири дата их окончания была перенесена с 1 декабря на 1 ноября [3, с. 18]. Плановые показатели стали еще более детальными. Так, в апреле 1947 г. в целях увеличения производства зерна и установления оптимального соотношения зерновых культур в посевах был восстановлен существовавший до 1939 г. порядок планирования, согласно которому до колхозов доводился план посева каждой зерновой культуры в отдельности [4, с. 194].

Восстановление сельхозпроизводства к началу 1950-х гг. позволило государству смягчить политику по отношению к колхозам. Предлагались проекты соответствующих преобразований. В конце 1949 г. члены

¹ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 169. Л. 39–40, 53–54, 71–81.

² Там же. Л. 72–74.

Совета по делам колхозов при правительстве СССР разработали меры по устранению бюрократического диктата в сфере сельскохозяйственного планирования. В соответствии с ними годовой план развития сельхозпроизводства должен был определяться самими хозяйствами. Бригады колхозников и работников МТС намечали его в срок с 1 по 15 июля, после чего он до 25 июля рассматривался руководством колхозов и МТС. С 25 июля по 1 августа плановые показатели утверждались районными властями, а с 1 по 20 августа – региональными и далее центральными органами управления. Одобренный правительством государственный план в обратном порядке в фиксированные сроки спускался вниз по инстанциям. Бригады МТС и колхозов должны были получить задания к 1 января следующего года. Повышение плановых норм без санкции правительства запрещалось. Преодоление разобщенности в планировании связывалось с созданием при региональных управлениях сельским хозяйством отделов сводного планирования. Вместо производственного плана и приходно-расходных смет колхозам следовало составить единый производственно-финансовый план. В него предлагалось включить ряд новых показателей: доходы и расходы денежных средств, состояние неделимых фондов, объемы капиталовложений, строительство и капитальный ремонт, развитие подсобных отраслей, затраты трудодней на единицу произведенной продукции. Каждому хозяйству предстояло разработать перспективный пятилетний план развития производства, который становился исходным для составления текущих планов³.

Все эти предложения были отклонены. Вместо реальной экономической помощи и ограничения бюрократического диктата колхозы получили от государства новые директивы. Тяжелым бременем для них стало выполнение государственных планов развития электрификации села (1948–1950 гг.), общественного животноводства (1949–1951 гг.), а также рассчитанного на 1949–1965 гг. «Сталинского плана преобразования природы», предусматривавшего, в частности, повсеместное насаждение травопольной системы земледелия. Укрепить экономику колхозов должно было их укрупнение, но эта мера своей цели не достигла. Работа по слиянию хозяйств, в первую очередь предполагавшая избрание единого правления, отвлекала руководство от текущих хозяйственных дел. В связи с этим разработка производственного плана и приходно-расходных смет затягивалась и представляла собой простое суммирование показателей объединяемых сельхозартелей без внимания к преимуществам крупного хозяйства. Региональные власти, планируя колхозное производство, как правило, не учитывали увеличение размеров колхозов и, как и прежде, распределяли государственное задание по всем хозяйствам равномерно⁴.

После смерти И.В. Сталина курс государственной аграрной политики был скорректирован. Унаследовавшие высшую власть функционеры посчитали необхо-

димым использовать для подъема сельхозпроизводства экономические рычаги. В связи с этим в 1954–1955 гг. были упорядочены натуральные повинности колхозов и приняты меры, раскрепощавшие труд их работников. Большим подспорьем для развития экономики колхозов должно было стать повышение цен на их продукцию, улучшение условий и увеличение объемов кредитования, подключение к государственным энергосетям. Для сибирских колхозов важнейшим фактором быстрого роста доходов стало проводимое при существенной поддержке государства массовое освоение целинных и залежных земель.

Вновь был поставлен вопрос о необходимости усовершенствования системы планирования колхозного производства. Пути его решения были обозначены в партийно-правительственном постановлении от 9 марта 1955 г. «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» [5, с. 365–371]. В отличие от проекта реформы 1949 г., данный документ вносил в анализируемую сферу менее радикальные коррективы. Колхозы получили возможность совместно с МТС определять только размеры и структуру посевных площадей и поголовья скота, тогда как объемы производства и заготовок продукции, натуроплаты и тракторных работ МТС по-прежнему диктовались Центром. Производственные и заготовительные задания должны были доводиться до колхозов не позднее 1 сентября. На их основе хозяйства определяли площади посевов по культурам и количество скота по видам. Эти планы до 10 ноября утверждались районными, региональными и центральными властями. При их составлении колхозам следовало исходить из необходимости интенсивного использования сельхозугодий с учетом местной специфики. Особое внимание должно было уделяться разработке пятилетних перспективных планов.

По мнению О.М. Вербицкой, введение нового порядка планирования в колхозах позволяло стимулировать развитие их производительных сил, активизировать инициативу колхозников, преодолеть у руководителей хозяйств «комплекс исполнительства». Однако рассматриваемое постановление практически не выполнялось в связи с живучестью старых стереотипов в сознании руководителей всех рангов и конкретных исполнителей, о чем свидетельствует, например, отсутствие у них серьезных возражений против навязываемых сверху планов по существенному расширению посевов кукурузы [1, с. 32]. Как нам представляется, выход в свет постановления о новом порядке планирования способствовал снижению уровня управляемости сельхозпроизводства. Многие колхозные руководители стали обосновывать целесообразность сокращения посевных площадей и размеров стада. Власти не могли примириться с этими тенденциями. О том, как следует понимать смысл постановления, говорилось в докладе главы Томской области В.А. Москвина на пленуме Томского обкома партии 4 апреля 1955 г.:

Новый порядок планирования, прежде всего, направлен на то, чтобы увеличивать производство зерна, льна-долгунца, картофеля и продуктов животноводства <...> Надо здесь дать указания о том, что это важнейшее дело никак нельзя пускать на самотек. У нас уже имеются настроения у руководителей

³ Там же. Л. 39–41, 53–54.

⁴ ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 615. Л. 269–271; РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1974. Л. 252–260.

ряда колхозов Чаинского, Туганского и некоторых других районов сократить посеы картофеля, льна-долгунца, кукурузы <...> Речь идет не о том, чтобы свертывать посевные площади, <...> а о том, чтобы лучше использовать все земли, всю пашню, больше производить сельхозпродуктов...⁵.

Уже в конце марта 1955 г. были приняты меры по усилению контроля над колхозами. Началась кампания по отправке в них из городов для работы в качестве председателей 30 тыс. коммунистов-организаторов производства (движение «тридцатитысячников»), которые, сменив старых председателей-практиков, должны были управлять хозяйствами строго в соответствии с партийными указаниями. Продолжившееся укрупнение колхозов способствовало усилению власти их руководителей. В связи с этим возможности государства влиять на деятельность колхозов расширялись, а участие колхозников в управлении хозяйством сводилось до минимума. В колхозный сектор все активнее имплантировались элементы совхозной формы хозяйствования (крупный размер хозяйства и его подразделений, централизованное управление, гарантированная оплата труда и др.).

Осуществляя административные меры с целью стабилизации и повышения степени управляемости аграрного производства, руководство страны по-прежнему признавало значимость формирования экономической заинтересованности в деятельности колхозов. В связи с этим с конца 1955 г. рассматривалась возможность введения системы единых экономически обоснованных цен на колхозную продукцию, для чего предполагалось понизить ее себестоимость за счет улучшения условий оплаты труда колхозников, повышения уровня механизации и совершенствования организации производства. Решение этих задач связывалось с созданием между колхозами и МТС равноправных и взаимовыгодных отношений, предусматривавших расширение участия сельхозартелей в планировании объемов и порядка тракторных работ.

В 1955–1957 гг. во многих районах страны в качестве эксперимента часть механизаторов и машинного парка МТС временно передавали в ведение правлений колхозов, соединяя эти ресурсы с производственными подразделениями сельхозартелей. В 1956 г. в Алтайском крае с колхозными полеводческими и комплексными бригадами объединили 95 тракторных бригад МТС, в 1957 г. – 265. В Красноярском крае число таких подразделений в 1957 г. достигло 176. Данная практика позволила увеличить производительность труда. Например, в 1956 г. тракторно-полеводческой бригаде Машковцева колхоза им. Н.С. Хрущева Красноярского края удалось сэкономить более 12 тыс. трудодней [6, с. 278–279]⁶. С 1957 г. в МТС началось сокращение штатов механизаторов и управленческих работников, высвобождавшиеся кадры направлялись на постоянную работу в колхозный сектор, которому еще в 1955 г. передали агрономов и зоотехников МТС. В феврале 1958 г. высшее руководство посчитало необходимым провести реорганизацию МТС, включаю-

щую постепенную и добровольную продажу техники станций колхозам. В июне этого года оно ввело единые закупочные цены на колхозную продукцию, привязанные к ее себестоимости.

Данные нововведения требовали совершенствования порядка планирования деятельности колхозов. 29 августа 1958 г. Н.С. Хрущеву была направлена записка председателя Экономической комиссии Совета национальностей Верховного Совета СССР О.И. Иващенко, в которой ставился вопрос о введении в колхозах практики составления единого производственно-финансового плана и отчета с законченным балансом, определением себестоимости продукции и рентабельности производства. Бригады, фермы и подсобные предприятия колхозов должны были перейти на хозрасчет⁷. Однако самостоятельности сельхозартели так и не получили. По требованию Н.С. Хрущева, добившегося единоличной власти, продажа техники МТС колхозам была проведена в принудительном порядке и в кратчайшие сроки, что подорвало финансовую систему многих хозяйств, вновь превратив их в безнадежных должников государства. На рубеже 1950–1960-х гг. колхозам и совхозам навязывались повышенные планы по производству сельхозпродукции, в первую очередь животноводческой, для осуществления поставленной Н.С. Хрущевым задачи – в ближайшие годы догнать США по производству мяса и молока на душу населения. Много сил и средств хозяйства потратили на внедрение навязанной сверху пропашной системы земледелия, не давшей ожидаемого результата.

Очевидное банкротство административно-командных методов управления заставило Н.С. Хрущева в 1963–1964 гг. вновь обратить внимание на проблемы экономики сельского хозяйства, что, однако, не спасло его от смещения со всех постов в октябре 1964 г.

Таким образом, в течение более чем двух десятилетий после коллективизации сельхозартели функционировали в рамках системы жесткого директивного планирования. Предпринятые в середине 1950-х гг. попытки расширить самостоятельность колхозов в целом оказали дестабилизирующее воздействие на сельхозпроизводство, в связи с чем ускорилось огосударствление колхозного сектора. Провозглашенный в конце 1950-х гг. курс на расширение экономической свободы колхозов не был доведен до конца, ставка вновь была сделана на меры административного характера, которые, однако, оказались малоуспешными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вербницкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 8.
3. Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 3: Налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг.
4. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.). М., 1958. Т. 3.
5. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.). М., 1958. Т. 4.
6. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985.

⁵ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2173. Л. 26–27.

⁶ ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1677. Л. 49.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 209. Л. 1–2.